

Посетитель

Мемуары в трёх частях

Михаил Манченко

Михаил Манченко

Перед вами ознакомительный фрагмент книги Михаила Манченко «Посетитель». Автор книги «посещал» Донбасс трижды, и всегда — в ключевые и совершенно непохожие друг на друга эпизоды: май 2014 (Луганск), август 2014 (Снежное, Грабово), и, наконец — февраль 2015, где он участвовал в боях за Дебальцево (Санжаровка).

Приобрести книгу можно на сайте издательства:

chernaya100.com

Посетитель

Мемуары в трёх частях

Чёрная Сотня
Нижний Новгород
2017

ОТ РЕДАКЦИИ

С Михаилом, автором, я познакомился уже после того, как прочитал рукопись и твёрдо решил, что её необходимо издать. Несоответствие образа рассказчика из мемуаров и человека напротив меня поначалу даже вызвало некоторый диссонанс. «Посетитель» из книги — предельно искренний, честный, местами даже мягкотелый человек, черты лица которого сами собой представляются мягкими и податливыми. Воображение рисует герою книги скромный рост, невзрачный вид и образ какого-то нарочито усреднённого «Посетителя» Тех Самых Мест. Мужичка, который ничем внешне не примечателен, кроме особого, не всеми читаемого огонька в глазах.

Отнюдь, в жизни «Посетитель» оказался совсем не таким. Михаил оказался статным, высоким мужчиной около 45 лет, с выправкой, уверенными манерами, жестами и чертами лица, представляя из себя тип человека, «у которого есть всё». Всё, кроме опыта войны. Наш «Посетитель» — удавшийся норильский предприниматель и семьянин, твёрдо стоящий на ногах. На Донбассе я часто встречал такой тип добровольцев, их можно вычислить по повышенной образованности и привычкам, несвойственным «шахтёрам и таксистам». Мотивы у таких людей разные, но в целом сводятся к одному знаменателю. Какому? Читайте лучше у них, от первого лица.

Вы будете удивлены и тронуты честностью и искренностью Михаила, который ничуть не старается выставить себя супергероем и рассказывает всё как есть, со всеми страхами, переживаниями и самокритикой, но при этом соблюдая тонкую грань, на которой подобные мемуары могли медленно сползти в утомительные «нытьё и сопли». Нет, ни в коем случае, искренность Михаила — это просто очень человеческое и лишённое пластмассы повествование о пережитом опыте. В книге есть и остросюжетные эпизоды, которые заставляют вместе с автором испытывать те самые сверхэмоции, из-за которых одни с войны бегут, а другие не могут с войны уехать, и обычная солдатская рутина, быт, «окопная правда» во всей красе, со всеми аспектами военно-полевой жизни. Примечательно «слоняние» автора в попытках попасть в самую гущу событий: он всегда ездил на Донбасс импровизацией, без всяких договорённостей,

полагаясь исключительно на волю случая. Череда случайностей, возможная только при такой вот импровизации, сводит автора с самыми разными людьми и отправляет в неожиданные места, вплоть до знаменитых «подвалов». При прочтении «Посетителя» меня часто посещала ностальгия по 14–15 году, когда я и сам, хоть и не в качестве военного, импровизированно «слонялся» по Донбассу (наше издание неоднократно возило в зону боевых действий гуманитарную помощь). Со всей ответственностью заявляю: вот так, как пишет «Посетитель», — так оно всё на самом деле там и было.

Интересно, что вплоть до выхода этой книги родные Михаила не были в курсе его поездок и приключений, и узнают они обо всём этом вместе с вами, за прочтением «Посетителя».

Приятного чтения!

*Дмитрий Бастратов,
главный редактор*

Часть 1. Восстание

19.05.2014–29.05.2014

Из Ростова-на-Дону выдвигаюсь в Миллерово. Моя конечная цель — Славянск, но Украина закрыта для граждан РФ призывного возраста, и я решаю ехать ближе к границе, чтобы уже на месте найти способ её пересечь.

Привокзальная площадь Миллерово встречает полуденным зноем и пылью. По её периферии теплятся очаги стихийной торговли, но сборного пункта для желающих поучаствовать в сепаратистском мятеже на территории соседнего государства почему-то нет. Устроившись в гостиницу, отправляюсь на его поиски. Ни указателей «Вербуем на Украину», ни добровольческих колонн, марширующих под знамёнами Новороссии, навстречу, увы, не попадается. Перспектива самостоятельного пересечения границы становится неотвратимой. Ответственность за это деяние пустяковая, но в интернете активно не советуют щемиться полями без проводников: на «ленте» якобы сложилась нервная обстановка и дело порой доходит до пальбы.

Составляю поэтапный план нарушения госграницы: первое — найти проводника, второе — пристроить вещи. С первым пунктом проблемы. Немногочисленные местные, встреченные по ходу рекогносцировки, на контрабандистов не тянут. Злачное место, пивной бар — пустует. Привлекать к делу сдобную женщину в чепце, дремлющую за стойкой, представляется мне дискредитацией самой идеи нелегального перехода. Поиски сталкера заканчиваются закономерно: чужака, слоняющегося на сорокаградусной жаре, останавливает полицейский.

— Чё бродим? — интересуется молоденький мент, листая мой паспорт.

— На Украину еду. К теще, завтра, в Луганск, — скриплю я пересохшим ртом.

— Так не пропустят же? Чё? Не знаете? — морщит парень веснушчатое лицо.

— Попробую... может, удастся.

Мне хочется спросить, кто из местных водит в обход пограничного КПП, но я сдерживаюсь. Младший лейтенант берёт под козырёк и советует даже не пробовать. Захожу в супермаркет охладиться минералкой. На упаковочном столике подбираю рекламную газету. Объявлений, предлагающих помощь в незаконном проникновении на Украину, она не содержит. Ничего не остаётся, как перейти ко второму пункту плана: сдать вещи в камеру хранения железнодорожной станции.

Ранним утром следующего дня иду на автовокзал. Подойдя к стайке разнокалиберных, но одинаково пузатых мужчин, лугзающих семечки, решаю идти напролом.

— Такси? Ребята, привет. В Луганск надо. Поможете?

Ребята начинают плевать шелухой в два раза быстрее и оживлённо обсуждают:

— Кто? Кто у нас на Украину возит? Сашка? Сашка возит! Шца, здесь будь, — один из таксистов звонит по телефону.

Появляется Сашка: деловитый, сморщенный южным солнцем коротыш:

— В Луганск? Ноу проблем. Только вот ещё женщину захватим, ей туда же.

— Женщину? Конечно, конечно... а через границу как? — спрашиваю я как можно равнодушнее.

Александр изображает лицом слово — «железобетонно».

— А в чём квэсченз? Граница — мой головняк. Меня там каждая собака знает, на день два-три раза, туда-сюда, по пяти-сотке в паспорт, и всех дел.

— Всего? — поражаюсь я.

— Так это чтоб без гемора — без очереди. А чё, дорого для тебя? У меня прайс льготный, — ответно удивляется таксист.

Я в недоумении.

— Странно как-то...

— Меня ж там все знают. Если чё — скажу, что ты человек хороший, — смеётся Сашка и хлопает меня по плечу. — Ведь ты ж хороший?

— Хороший... в принципе, — подтверждаю я.

— Ну вот, тем более! Две с половиной с тебя. Это помимо пятихатки в аусвайс.

Следующие сорок минут такси петляет по бесконечно длинному посёлку.

«Непобедимый русский бардак! Слава тебе! Два дня на дерьмо исходил: как пролезть!? А оказывается: сел да поехал! Однако — пятьсот рублей? В инете писали, что ни за какие деньги не пускают. Хотя... может, этот прощельга — устойчивый канал? Хрен тут разберёшь...» — размякнув, машинально участвуя в болтовне, думаю я.

Российскую часть границы мы с попутчицей проходим пешком.

— Вещей же у вас нема? Давайте через таможеню сами. Я тут до одного кента загляну. Пройдёте — ждите под навесом, я ща, стремглав, — распорядительным тоном просит водитель.

То, что он взялся довести до Луганска гражданина РФ, Александр понимает только тогда, когда я протягиваю ему пятьсот рублей и свой документ — в момент торможения у будки украинского паспортного контроля.

— Ёбтыть! Да ты россиянин, чё ли?

Меня берёт оторопь.

— А ты что думал?

— Хохол, думал!.. На лбу ж не написано... и чё ж теперь делать? Они тебя не пустят, ни хуя не пустят. Блядь! Да как же, я же... и чё?

Сокрушаться поздно — нас приглашают выйти из машины.

Пограничник собирает паспорта и уходит. Среди сотрудников КПП явное оживление. Ловлю на себе любопытствующие взгляды. Топчемся вокруг машины десять минут. Наконец раздаётся:

— Зелимхан Иванович!

Из административного здания появляется невысокий человек не то в военной, не то в полицейской форме и вальяжно шествует к зелёному балку на колёсах, стоящему в стороне.

— За мной, — командует вальяжный.

Иду следом, рассматриваю его аккуратно окантованный затылок. Звание человека непонятно, погоны скрыты под чёрным жилетом со множеством карманов. Мой правый висок наливается льдом: сейчас жизнь разделится на «до» и «после», навсегда.

Захожу в балок. Офицер протиснулся за маленькую конторку, но остался стоять.

— Зелимхан, не навоевался, значит? — каменя лицом, произносит он.

Озноб бежит по спине, от ягодичек к ключицам.

— Пострелять, значит, приехал? Очень хорошо, мы тут, значит, как раз таких, с распротёртыми объятиями.

Начинает казаться, что всё это со мной уже было — «Дежавю? Сейчас он скажет...»

О чём в следующую секунду скажет стоящий напротив меня чернявый мужчина, вспомнить не удаётся.

— Мы тут таким веселье организовываем, сейчас вместе повеселимся!

«Задержат», — понимаю я. — «Могут и избить. Что делать? Выкуп надо предложить. Ну, дурачок, поиграл в Че Гевару!»

— Я — затейник, — продолжает офицер спокойно. — Устрою тебе пострелять.

Становилось холодным и липким. Пытаюсь анализировать: говорит он специально медленно, даёт время испугаться. Обращается на «ты», вот это — плохо.

Чуть выдвинув нижнюю челюсть, обнажив ровные, желтоватого оттенка, зубы, офицер достаёт из разгрузки РГД* и кладёт её перед собой: «Знаешь, шо це такое? Щас я тебе её в рот запихаю и гулять отпущу... А!»

Он садится на табурет и зло таращится чёрным, немигающим взглядом. Мой паспорт лежит на столе, совсем близко. Вид красной книжицы с гербом вызывает приступ тоскливого удущья: как близко! Руку протянуть и... бежать?

Какое-то время молчим. Неожиданно успокаиваюсь. Интересно, почему? Засыпаю от страха? Где-то слышал, что такое бывает. В какой-то момент со мною происходит вегетативная метаморфоза: пот высыхает, рот увлажняется, мышцы расслабляются.

Я с недоумением смотрю прямо в глаза сердитому человеку в форме. Перевожу взгляд на маленький зелёный бочонок с металлическим стержнем. Интонируя холопство, в дозах, безусловно соответствующих ситуации, отвечаю:

— Граната? Не воевал... командир. Только в армии служил. Извините, не понял вас?

Моё лицо, а я как будто вижу его со стороны, — правдоподобная версия нагловатого, но секущего берега хитрована. Офицер ещё сверлит меня, но переходит на официальный тон:

* Ручная граната дистанционная.

— Всё ты понял... поняли, то есть... Итак: цель приезда?

Вдохновенно вру. Слова доходят до моего сознания на секунду позже того, как произносятся ртом.

Ложь идеальна, настолько, что по ходу её произнесения начинаю переживать: не переигрываю?

Но всё звучит без единой логической и эмоциональной поправки.

— Еду забрать долг у брата жены. Родственничек перестал на связь выходить. Козлит; видать, хочет со всей этой катавасией соскочить с долга.

— Поздно спохватились, граница закрыта. Не знал? — Пограничник остывает, но расслабляться рано — его голос ещё полон металлических нот.

— Да, по ящику что-то бакланили об ограничениях по въезду, но некогда было во всю эту хрень вникать — кручусь. Войнушка — это для ширнармасс... я похож на озабоченного?

Тончайшие нюансы: сглатывание, моргание, наклон головы — всё по месту, всё органично. Офицер слушает внимательно.

— Гладкая история... То есть, если звоню и тебя подтверждают, значит, ты с ним договорился заранее, если попадаю на кого попало и от тебя отказываются: не знаем, мол, такого, — то ты не при делах, должники шифруются. Ну-ну.

Обиженно хлопаю глазами.

— В смысле, на кого попало попадёте? Тема какая-то нездоровая... я ж говорю, свояк, Обухович Паша, брат жены.

— И много тебе задолжали? — фараон ёрзает на табурете.

Мои глаза округляются, взгляд близоруко слепнет, губы шевелятся без звука. Без тушёвки, горделиво, заявляю:

— Скока есть — все мои! Для меня — много. Пять тонн мёртвыми президентами.

Назвав цифру, понимаю, что попал в самую точку — и мало, мусор не полезет в дольщики, рук марать не захочет, и при этом достаточно, как повод для поездки.

— А чё, если всё-таки позвонить? Порадовать, значит, родича?

Пограничник перестаёт мигать, взгляд его стервенеет. Он звонит двоюродному брату жены Обуховичу, на самом деле живущему под Луганском: номер Павла я хитростью выудил у супруги буквально пару дней назад.

— Прикордонна служба безпеки! — Представьтесь. — Обухович? Знаете такого — Г а б у л а е в? В гости ждёте? Нет? А как насчёт того, зачем он к вам едет?

Обухович ни о чём не предупреждён, но так получается только лучше! Павел долго не может меня вспомнить — последний раз он был у нас в гостях лет десять назад.

— Михаил из Москвы! Михаил — Танин муж! — подсказывает с моих слов заинтригованный СБУшник. — Прикинь, что твой свояк ответил? — улыбается офицер, опуская трубку. — Говорит: «Даже и не знаю, что вам и сказать!» — кривляясь, видимо передразнивая Павла, он повторяет: — Не знаю, что и сказать! Неожиданный визит.

Я подхихикиваю:

— Не ожидал?! Не ожидал! Думал — развёл лохопеда! А тут — здрасте!

Меня прёт. Я чувствую что-то сродни полёту во сне.

— С тебя на пиво. Долг вернуть — дело святое! — сотрудник СБУ склоняется над столом и через секунду протягивает мне паспорт с миграционным листом. Следуют манипуляции документом из рук в руки, в ходе которых из него исчезают вложенные мною полторы тысячи рублей. Пограничник доволен собой: проявил благородство, помог человеку, при этом немного заработал.

Начинаю испытывать угрызения совести за обман этого простодушного человека, но остаюсь хладнокровен и точен, как хирургический стилет. Завистливо скалясь благодетелю, мол: «Ну ты и жучара! Своего не упустишь — уважаю!» — я исчезаю в салоне автомобиля.

— Саша! Твою мать! На Луганск!

Меня накрывает горячая волна. Я горю от восторга. Всемогущ! Штирлиц! Зорге! Сделал! Как детей сделал!

Проезжаем блокпост на въезде в Луганск со стороны Станицы Луганской. Ёкнуло — «Вот оно». Дорога перегорожена змейкой из бетонных блоков и автомобильных покрышек. У обочины, на обложенном кирпичами костре, исходит паром большая кастрюля. В зарослях вдоль кювета видна фанерная хижина, замаскированная пожухлыми ветками. Четверо пожилых обветренных мужичка ведут выборочную проверку

транспорта. Автомат один на всех. Вид у проверяющих трогательный: кажется, автомобилисты останавливаются и дают произвести досмотр исключительно из чувства солидарности с мужичками — этакая форма поддержки ополчения.

Луганск поражает — в городе нет ни малейших следов вооружённого восстания. Улицы затоплены по-летнему пёстрой, суетливой толпой. Раздражённо гудят автомобильные пробки. Троллейбусы, магазины, салоны сотовой связи, рынки — всё битком. В воздухе терпкий микст — жареные беляши и цветущая сирень. Из маршруток несётся «Лесоповал». Ничто не напоминает о референдуме, провозгласившем независимость всего неделю назад. Я обескуражен. Я стремился в столицу русской национально-освободительной Революции, в город реющих знамён, кумачовых лозунгов, я мечтал выйти на площади, затопленные митингующими, наэлектризованными массами, ожидал встречи с эпохальным! И что я вижу — беззаботное море обывателей плещется вокруг крошечного островка мятежа.

Хорошо обедаю в приличном ресторане. Пока жду заказ, наблюдаю за улицей сквозь панорамные стёкла витрин. У входа паркуется «Тойота Прада». Опускаются стёкла передних дверей. Мужчины в белых рубашках передают из рук в руки документы. Мне видна их оживлённая жестикуляция. Высоченный недоросль в наушниках и спущенных на бёдра шортах вышагивает по тротуару. Благостный, расслабляющий летний день.

Прихожу к эпицентру и штабу восстания — зданию СБУ. Баррикады и смотровая вышка, известные по многочисленным телерепортажам, выглядят бутафорски, словно наспех сляпанные театральные декорации. При входе на огороженную территорию, прохожу досмотр. Его ведут трое не по сезону загорелых типа, вооружённых гаишными полосатыми жезлами. По ходу процедуры боюсь, что проверяющие попросят мелочь. Сразу за КПП натыкаюсь на группу молодёжи. По одежде и рюкзакам из «Спортмастера», но главное — по растерянному выражению лиц определяю: москвичи. Первый порыв — подойти. Реконструкторы, толкиенисты, романтичные юноши. Ещё вчера эти дети фехтовали в шлемах из хозяйственных вёдер, а сегодня

их жертвенность ставит крест на миллиардных инвестиционных программах. Представляю, какое бешенство они вызовут у национально-социальной группы «нормальные люди». Прохожу мимо.

Вход в СБУ, на местном сленге «коробка», защищён баррикадой из мешков и блоков. Докладываюсь часовому — подростку в камуфляже, сидящему на стуле в углублении лабиринта.

— Сейчас, найду Руслана. Подождите, — отвечает парень.

Жду долго — минут тридцать. Знакомлюсь с утомлённым мужчиной в пегой, многодневной щетине и рваных тапочках на босу ногу. Он мается в тени деревьев, неподалёку от входа. Мужчина по-отечески журит руководителей восстания за отсутствие у них опыта в противодействии возможным разведывательно-диверсионным операциям противника:

— Пацанва зелёная. Я, нах, тут одним взводом бы всех обезвредил! — можно понять так, что бывшего офицера спецназа по каким-то причинам не берут в ополчение.

Интересуюсь.

— А ты сам? Участвуешь?

— Не... Мне нельзя. Ликвидатор* я. У меня заболевание — кровью истеку.

В амбре, исходящем от мужчины, превалирует пикантная кислинка.

— Радионуклиды вывожу, — реагирует собеседник на мои потягивания носом.

— А до Славянска можно добраться? — ухожу я от темы здоровья.

— Чё там добраться-то? Садись да ехай, — чешет щетину ликвидатор.

— А по дороге блокпосты украинские есть?

— Конечно есть, наши там уже практически окружены. Но огородами, через деревни, пока можно, только знать надо. Я — знаю, — важничает человек в тапочках.

Осматриваюсь. В сквере большой палаточный городок. На палатках таблички с названиями городов. География солидная — Украина, Россия, Белоруссия. Дымы костров, бельё, развешанное на верёвках, умывальники из пластиковых бутылок — походный быт. На скамейках перед сквером группа

* Участник ликвидации чернобыльской аварии.

инициативных старушек ведёт перманентную политинформацию и периодически затягивает то «Вихри враждебные», то «Интернационал». — «Только бы не „Вставай, страна огромная“», — боюсь я. — «Получится совсем уж жалко, расплачусь».

С первых шагов по территории «коробки» я скован стыдом и страхом. Мне стыдно за участие в этой наивной самодеятельности и страшно — я собираюсь выступить против всей мощи военных и полицейских сил иностранного государства на стороне численно малой, слабо организованной и почти безоружной группы людей, чьи действия трактуются как терроризм и покушение на основы конституционного строя. Я — враг государства! От переживаний желудок перестаёт переваривать недавно употреблённый ромштекс с пивом. Съеденное распирает меня изнутри холодным, набухающим тромбом.

Наконец появляется миниатюрный кавказец в шортах и пляжных шлёпанцах:

— Привет! Ты звал? Я Руслан.

Разговаривает Руслан без намёка на акцент. Представляюсь и, не откладывая в долгий ящик, прошу:

— Хочу попасть в Славянск, к Стрелкову, можете?

— Вообще, мы не отправляем. Только-только машина пошла. Погоди. — Руслан делает звонок: — Алё. Вы далёко отъехали? Тут человек есть. Ну, тормозните где-нибудь, чел сам подскочит. Всё... поехали? Ладно... — Руслан качает головой. — Уехали. Когда следующая? Не знаю. Может, завтра, а может, и нет. Здесь скоро тоже Славянск будет.

Вспоминаю компанию москвичей, уехали наверняка они. Спрашиваю Руслана:

— А к вам можно?

— Нет. Хочешь в ополчение — езжай в облвоенкомат, на Краснодарскую, не на Коцюбинского, а на автовокзал, там рядом.

— Я найду. До свидания.

Уходя, оглядываю взглядом цитадель Революции и её окрестности: два танка, две роты, два часа — всё? Нет, не всё. Корявость, на грани скоморошества — это и есть подлинность — живое творчество народа. Историческое творчество. Стихия в чистом виде. А стихия непредсказуема.

Таксист высаживает меня у железных ворот с большими красными звёздами по центру створок. Краска на звёздах свежая, в один слой, сквозь пятиконечники ещё проступают украинские трезубцы. Справа от ворот, на бетонном заборе, надпись крупными зелёными буквами: «Луганский народно-освободительный батальон ЗАРЯ». Стучусь в калитку «В ополчение». Проверка на входе уже не клоунская. Напротив калитки пулемётное «гнездо» из шлакоблоков и мешков с песком, в бойнице торчат дуло автомата и пожилой интеллигент в очках. У мужчины пышная седая шевелюра и тонкая морщинистая шея с большим кадыком. В моём горле образуется ком — составившийся птенец.

— К комбату, — выслушав меня, распоряжается парень в милицейской «сбруе».

Захожу в кабинет командира батальона. Он поднимается навстречу и протягивает руку. Здравуюсь, представляюсь, излагаю просьбу.

— Я в Славянск не отправляю. Но в Вашем случае, так как вы из России и ненадолго, — подойдите завтра утром. Что-нибудь попробую сделать, — отвечает мне Плотницкий Игорь Бенедиктович.

Венедиктыч, как его называют бойцы, выглядит собранным. Будущий глава ЛНР уверенно смотрит на меня большими карими глазами, над которыми колосятся брежневские брови. Массивная фигура, щекастое, бульдожье лицо — человек твёрдой воли.

Снимаю номер в гостинице при железнодорожном вокзале и иду гулять по городу. В парке перед зданием областной администрации многолюдно. Детская площадка густо населена малышней и мамочками. Проходя мимо троицы прилично одетых мужчин категории «менеджер среднего звена», замедляю шаг, чтобы подслушать разговор: «...так и не пойму, по какому праву они тут находятся?»

Сказанное, без сомнений, относится к группе вооружённых людей в разномастной военной форме, расположившейся на ступенях помпезного сталинского здания. Новоиспечённые властители понимают, что находятся в центре внимания, и, с непривычки, немного рисуются. Из стоящего рядом с ними джипа звучит армейский шансон.

Заглядываю на центральный рынок, сижу в кафе, катаюсь на такси, стригусь в парикмахерской — стараюсь составить объективное представление о происходящих событиях. По итогам наблюдений и разговоров для себя делаю вывод: одиннадцатого мая явка на Референдум была чрезвычайно высокой, люди шли с энтузиазмом и голосовали в подавляющем большинстве за отделение от Украины. Из пары десятков человек, с кем удаётся поговорить на тему независимости, не встречаю ни одного сторонника единой Украины. Таксист, что везёт из гостиницы на автовокзал, рассказывает: он единственный среди многочисленной родни и знакомых, кто не ходил на референдум. Но не голосовал таксист не потому, что против независимости, а в уверенности, что избирательные списки в конечном итоге попадут в руки СБУ и всех участников плебисцита ждёт неминуемая расплата за сепаратизм.

— Родне говорю: «А списочки? Расписывались в списочках-то? Ага! Хохол придёт, списочки поднимет, и всё, все одним медным тазом накроетесь!»

Я успокаиваю водителя:

— Вы зря так за родных переживаете. «Да, я расписывался в списках избирательных, и что? Но голосовал-то я против отделения!» — каждый из тех, кто ходил на референдум, может и так сказать. Ведь сами бумажки, которые в урну кидались, они-то неменные были, на них ничего кроме закорючки под «Да» или «Нет» не ставилось. Это и называется — прямое тайное голосование. Как можно доказать, что конкретный человек голосовал против Украины? Наоборот, можно украинским патриотом себя заявить, мол, специально ходил на выборы голосовать за единую Украину! Ведь был же небольшой процент голосов против отделения? Был! Тем более можно будет сказать — это я голосовал против сепаратистов!

Логика в моих словах присутствует, и таксист горюнится — он напрасно отпраздновал труса в глазах близких.

— ...перебздел, получается?

Вечером в номере смотрю телевизор. По пяти федеральным украинским каналам непрерывно транслируется предвыборная кампания — бесконечные Ярош, Порошенко, Тимошенко. Кандидаты клянутся зачистить Луганск на следующий день после того, как их выберут президентами. Звучат реляции

о будущих военных победах. Похоже, претенденты на Киевский престол набитое дурачье. Хотя нет, они не идиоты, они врут, привычно, как дышат.

На местном Луганском телеканале случайно попадаю на короткий, нейтральный по комментариям, сюжет про новую власть Луганской Республики. Валерий Болотов, глава ЛНР, на экране не более минуты. Странно, ведь городская телестудия, по крайней мере час назад, когда я мимо неё шёл, не была окружена украинскими войсками. Что это — идиотизм? Беспрепятственно транслируется вражеская пропаганда, агитация за новую власть и контрпропаганда отсутствуют! Неужели непонятны очевидные вещи — если нет сил организовать своё вещание, необходимо хотя бы заткнуть врага? Восстанием что, и вправду руководит сержант?

К восьми утра приезжаю на Краснодонскую. Вокруг суета, никому нет до меня дела. Плотницкого ловлю на КПП, когда он выезжает на своей «Ниве» в город. Высовываясь из окна машины, комбат говорит:

— Для вас ничего. Хотите — оставайтесь.

Иду в штаб записываться в батальон. Заявление-анкету заполняю в коридоре вместе с ещё несколькими кандидатами. Военный психолог — симпатичная скуластая девушка, спрашивает:

— Как вы объясните, только обязательно одним словом, ваше решение вступить в ополчение?

Испытываю лёгкую фрустрацию: подготовленная речь, в которой нашлось место отсылкам и к героической истории моего деда-фронтовика, и к анализу общемировой геополитической обстановки, оказалась не нужна.

— Одним? — с трудом подбираю это единственное слово: — Несправедливость.

За соседним столом молодящаяся брюнетка беседует с юным белобрысым мускулистым юношей.

— Какой год? Деятнадцатый? А вид спорта? Борьба? А мама знает? Получил повестку в Украинскую армию? Решил идти не к ним, а к нам?! Молодец! Завтра? Ну, давай. Приходи завтра. Ждём.

В коридоре штаба жду оформления в батальон. Из комнаты в комнату водят помятого человека со связанными за спиной руками. Дверь очередной инстанции закрыта не плотно, и мне слышно, что там происходит.

— Я сейчас тебя на подвал посажу и забуду там... на несколько дней. Без жратвы и воды... — некто, видимо хозяин кабинета, описывает не очень радужное будущее арестованного.

— Если нарушил чё, преступление совершил, так давайте меня к прокурору, давайте обвинение, адвоката давайте, судью — судите! — скорострелом мечет тот, кому угрожают. В кабинете — резкие движения, звучат хлесткие удары.

— Сука! Адвоката тебе? В стране гражданская война! Сука! Пристрелю! Дневальный! На подвал! — заходитесь фальцетом начальник. Связанного выводят, он ошалело озирается.

«Вот так — гражданская война. Всё по-серьёзному»: я гляжу в серые, испуганные глаза задержанного.

На крыльце штаба ко мне подходит худой человек с неприятным быстрым взглядом и приглашает в разведвзвод. «Должно быть, бывший мент», — решаю про него и соглашаюсь стать разведчиком. Внезапно к «менту» подходит некто черноусый в застиранной афганке и забирает меня в четвёртый взвод.

— Гена, — представляется он.

Гена похож на армянина — жгучий брюнет, сросшиеся брови, орлиный нос.

— Ну, тебе чё, двадцать лет? Бегать, прыгать, ползать? В тридцатиградусную-то жару? Не потянешь ведь! — поясняет Геннадий моё непопадание в батальонную разведку.

Возразить нечего, он прав — физически я готов слабо. Лишний вес, сердце, склероз — в общем, не Виталий Бонивур, по крышам, отстреливаясь от преследования, не уйду.

— У нас ребята все взрослые, мужики нормальные. Мы пешотой будем. Ты вот скажи, в чём видишь свой воинский подвиг? — озадачивает меня Гена. Без сомнения, Гена в прошлом кадровый офицер.

— В чём подвиг? Приказы начальства выполнять, — отвечаю я.

— Вот! Правильно! Сразу видно — наш человек! — одобрительно кивает черноусый.

Так я попал в четвёртый взвод батальона «Зари».

В курилке многолюдно. Смотрю на ополченцев. Хочется плакать от страха и восторга. Вот они: угловатые, неказистые, тощие, пузатые, всех возрастов, пришедшие умирать «в чём не жалко». Плохо леченные, щербатые рты, несмешные шутки, кислый запах дешёвых сигарет. Из разговоров понятно — многие даже издалека не видели автомата. Мясо с овощами. (Примечание: офицеры вермахта называли бойцов фольксштурма «варево» (Kochtopf), «смесь старых костей и мяса с зелёными овощами».) Мой народ. Святая Русь.

На 20 мая батальон «Заря» насчитывает приблизительно сто пятьдесят человек. Деление — повзводное. Первые два взвода — штурмовые, третий — разведка. Эти подразделения почти полностью вооружены. Остальные три взвода, включая наш, — безоружны и заняты на инженерных и хозяйственных работах. Мы строим баррикады из мешков с песком, тащим наряды по кухне, по КПП. Работы много, работа тяжёлая.

Личный состав батальона размещён на четвёртом этаже военного комиссариата Луганской области. Бытовые условия вполне сносные. Каждый взвод располагается в отдельной казарме с двухъярусными нарами. Питание три раза в день.

Гена не обманул — ребята во взводе замечательные. Средний возраст мой: сорок пять. В основном местные, луганские, и из области. Россиянин, кроме меня, один — Сергей из Краснодара.

Первый, с кем знакомлюсь в казарме, Виктор — пожилой высокий мужчина в старомодных очках с роговой оправой и парусиновой кепке. Из-за толстых линз глаза Виктора кажутся огромными и грустными. Виктор рекомендует себя краснодеревщиком. Однако навыки обращения Виктора с инструментом (мы на пару заколачиваем окна фанерой) вызывают сомнения в его искренности. Виктор представляет меня своему другу, Владимиру. Вова прямая противоположность Виктору: коренастый, физически развитый, хватистый рецидивист, пятнадцать лет отсидевший в колонии. У Вовы нервный тик — мышцы его лица постоянно двигаются: он то принохивается,

то вытягивает губы трубочкой, то щурится, склоняя голову набок. Это делает его похожим на сильную, но глупую птицу. Сдружились Вова и Виктор на религиозной почве — оба чрезвычайно набожны.

Приходит командир взвода Константин Корчак — скуластый силач. Он протягивает шершавую лапу потомственного шахтёра и гёкающим басом спрашивает меня, кто я, откуда и зачем.

Пока возимся с окнами, знакомлюсь с личным составом: Сергей Ефремов — пенсионер, бывший бригадир забойщиков, житель Краснодона. Лукьяненко — прапорщик в отставке, Валера — загадочный молодой человек из Львова, Владимир Ильич Луганский — шахтёр. Маленький, скромный Дима Стехин — водитель, Саша — бочкообразный, с большой бородавкой на белой, рыхлой шее — лейтенант милиции. Когда я спрашиваю Александра, почему он, будучи офицером, не командует каким-либо подразделением, Саша смущённо улыбается, а ребята гогочут: «Миша! Это же украинский лейтенант милиции, это от силы — советский ефрейтор!»

В следующие дни взвод активно пополняется. Приходит золотозубый Коля — бывший сотрудник ДАИ. Когда Николай озвучивает свою профессию, я беспокоюсь, что сослуживцы будут постоянно напоминать ему о коррупционном прошлом. Но этого не происходит — с Колиной биографией все подчёркнуто тактичны. Валера — лисичанский шахтёр, приходит через два дня после меня. «Пограничник», — представляется он. Валера — уже опытный революционер, участник захвата «коробки». Немного позже я увижу его, сильно осунувшегося, в телерепортаже из Луганского госпиталя. Он будет ранен у посёлка Металлист.

Много приходит чудесного народу. Об одном только Гарике Гагосяне — молодом оперном певце из Одессы, уже выступавшем на одной сцене с Басковым и прочими эстрадными знаменитостями, — надо писать отдельную повесть. На моих глазах этот пухлый армянский мальчик впервые в жизни взял в руки АК — бережно, с пиететом, как будто прикасался к незнакомому музыкальному инструменту. Через три дня Гарик ушёл в штурмовой взвод. Через пять — уже обучал сборке-разборке Калашникова прибывающих. Ему было очень нелегко — Гарик худел на глазах.

Нигде и никогда прежде я не встречал таких особенных людей. Людей, добровольно поднявшихся в атаку, в полный рост, поодиночке. Каждый — один на один со своим страхом, прямиком из сытой, мирной жизни. И каждый — перерос самого себя. Отсвет этого перерождения был виден на лицах.

Бойцы четвёртого взвода заряжены трудовым энтузиазмом и духом коллективизма. Лишь несколько человек не испытывают рвения в работе: возрастной Виктор — по немощи тела, его друг Вова — по многолетней привычке, что за него пашут «черти», и строящий из себя крутого вояку крымский казак Миша. Никто, кроме этих, не отлынивает и честно отдаёт все силы службе.

Это удивительная связь — связь людей, ещё ничего не переживших вместе, но знающих — испытание грядёт, и оно будет грозным.

Все напряжены. Это не очень заметно внешне, но, когда я иду в увольнение, несколько человек просят купить для них в аптеке закрепляющее.

— Никаких нервов не хватает с этими делами, — поясняет Виктор. Я понимаю, о чём идёт речь: у меня самого кишечник совсем недавно восстановил работу. Вова поручает приобрести ещё и настойку валерьянки. Как выяснилось позже — этот, с виду уверенный в себе, местами даже хамоватый человек, флаконами хлещет успокоительное.

— Кто хочет участвовать в боевых действиях — шаг вперёд!

Совершенно чётко понимаю смысл и значение сказанных командиром батальона слов. Я стою в первой шеренге прямо перед Плотницким — лицом к лицу, и не могу шелохнуться — испугался. Вокруг начинают выходить. Опомившись, одним из последних, делаю шаг вперёд.

— Все. Сто процентов, — подводит итог командир разведки, стоящий рядом с комбатом.

— Никого не держу. Идите — воюйте! — Венедиктыч строго глядит на взвод.

— Для тех, кто остаётся: оружия пока нет. Надеюсь, скоро будет. Как только появится возможность, всех вооружат. Сейчас вооружены наиболее подготовленные. Если начнётся бой,

вы встанете рядом и будете помогать: заряжать магазины, пока не уб... пока не освободится оружие, раненых оттащить. Кто согласен — оставайтесь. Никого не имею права держать. — По-молчав, комбат произносит: — Спасибо.

После построения взвод обсуждает слова Плотницкого. Многие раздражены отсутствием оружия и открыто выражают недоверие руководству батальона. Я участвую в брожении, но высказываясь в том духе, что командиры поступают рационально, вооружая в первую очередь более молодых и физически сильных: тех, кого можно быстро хоть чему-то научить. В разговоре принимает активное участие человек, которого я вижу впервые. Чужак смело берёт на себя роль ведущего, перебивая всех, в том числе и меня. Он убеждает: начальство всё делает правильно, командиры знают гораздо больше, чем сейчас могут говорить. Крупный, импозантный мужчина, возрастом к пятидесяти, цепко следит за выступающими. Когда все сходятся на том, что надо терпеть и ждать оружия, он исчезает так же незаметно, как и появился.

Первые дни моего пребывания на территории батальона ещё встречаются ополченцы, скрывающие лица под повязками. Вскоре все «ковбои» снимают платки — обратной дороги нет.

Обсуждаем положение дел с только что пришедшим во взвод добровольцем Сергеем Козловым.

— Ты не находишь странным, что хохлы нас не трогают? Я, например, под президентские выборы приехал. Думал, самая война начнётся. По идее, они до выборов должны были задавить нас. Хотя бы в Донецке и Луганске. Какие же выборы без двух областных столиц? Я вот по городу прошёлся — личное впечатление: полк, ну, как максимум, бригада, плюс немного «воздуха» — на Луганск вполне достаточно. Наш батальон «Заря», например, — мы почти безоружны, все в одном здании сидим, и почему-то на самом верху, на четвёртом этаже. Два штурмовика, и погасла «Заря». Поддавки какие-то. Может, договорняк в высших эшелонах? — делюсь сомнениями я.

— А что если ВСУ боятся близко к границе основные силы подтягивать? Боятся, что Россия отрежет одним броском? На

«ленте» вроде тысяч тридцать русских стоят — хватит на то, чтобы коммуникации перерезать, — предполагает Сергей.

— Войска!? А зачем войска-то подтягивать? Я же говорю: на Луганск сейчас одного полка хватит. Одного! Ну, если не захватить город полностью, то взять под контроль ключевые точки, картинку сделать, под выборы. И гнать население голосовать за Порошенко. Но это сейчас полка достаточно, а через месяц? — кипячусь я.

— Не знаю. Может быть, Украина специально тянет, провоцирует Россию на вторжение? Зачем гадать и фарисействовать? — наше дело маленькое — защищать итоги народного референдума.

Видно, что Сергею неприятен этот разговор. К нам подсаживается друг Козлова, Александр.

— Проблема украинской армии — отсутствие частей, способных выполнять боевую задачу, неся при этом серьёзные потери. Проще говоря, отсутствие боеспособных частей, — по-военному чётко формулирует он.

Александр только вчера пришёл в «Зарю», и он тоже военный вертолётчик в отставке. У него крупные черты лица, со лба свисает вихор.

— Нету, нету у ВСУ сейчас командиров, готовых провести штурм города. Бояться за один бой сто—двести человек положить, да более полутысячи ранеными. Ответственности бояться, — уверенно рассуждает Александр.

— Промедлят — потеряют значительно больше, — говорит Сергей.

— Военлёты? А можно нас штурмовиком прямо в здании военкомата накрыть? Насколько возможно технически? — задаю волнующий меня вопрос.

— Можно. При выполнении определённых условий — можно. Они как раз сейчас злые. Их под Славянском побивали. Я созванивался, с некоторыми учился в училище, гробы первые получили — ожесточились, — Александр сплёвывает.

Звучит команда на построение.

Осенью 2014 Сергей Козлов года станет начальником штаба народной милиции Луганской Республики и получит звание генерала. Сегодня Сергей вооружён палкой и бегаёт в составе четвёртого взвода по периметру территории военкомата,

отрабатывая тактику ведения боя в городских условиях. Мы с ним в одном отделении. В азарте беготни я кричу на будущего полководца ЛНР.

Удивлён, сколько здесь от России. Русская речь чистая, суржик — редкость, мова не слышна. В городе — всё на русском: вывески магазинов, наружная реклама, всё, кроме билбордов федеральных сотовых сетей. Деньги — украинскую гривну — многие называют рублями. Сообщая о своих зарплатах или пенсиях, жители Юго-Востока не редко называют две цифры — в рублях и в гривнах. Неоднократно слышал, как в разговорах между собой местные уточняют: «...это украинскими рублями, гривной...» При мне рыночная торговка в качестве аргумента, почему более нельзя уступить в цене, переводит стоимость товара в рубли: «Женщина! Куда ж дешевле? За триста российских отдаю! Поезжайте в Ростов — купите там такую же майку за тысячу!» — и это после двадцати трёх лет хождения украинской валюты!

Провожу среди бойцов взвода небольшое исследование. Его результаты красноречивы: из двадцати пяти граждан Украины все двадцать пять хотя бы раз приезжали в Ростов-на-Дону, двадцать — бывали в Москве. В то же время лишь пятнадцать посещали Киев и только один из участников опроса бывал во Львове. Этот единственный, Валера, там и родился и до последнего времени жил.

Ополченцы из местных Валерой восхищаются и одновременно подозревают его в шпионаже. На львовчанина смотрят, как на немца, приехавшего из Берлина летом сорок первого с целью вступить добровольцем в РККА.

— Здравия желаю, товарищ главнокомандующий!

«Заря» репетирует встречу с главой Республики и командующим её вооружёнными силами, Валерием Болотовым. В перерыве между попытками, краем уха слышу: «Прикинь, вчера сержантом был, сегодня — командующий! Карьера!»

С десятой попытки «Здрвь желаю...» звучит более-менее сносно. Над строем поднято чёрно-золотое знамя батальона.

Зелёная «Лада Приора» с лихим креном в повороте влетает на плац. Государственный номер машины наполовину закле-

ен флагом ЛНР. Сцена полна символизма — революционная верхушка ещё не рвётся к роскоши, но флажок, старательно примотанный к номеру прозрачной клейкой лентой, — верный признак воли к власти. Из задних дверей машины выскакивают люди в ОМОНовском камуфляже и бронежилетах. Командующему открывают дверь и помогают выйти из машины. Комбат делает подход и доклад. Кричим приветствие.

— Говорить буду негромко. Пока сил после ранения мало. Оружие получите. Батальон «Заря» будет моей личной гвардией. Вопросы? Спасибо за службу, — Болотов бледен, движения плавные, несколько раз машинально гладит левый бок.

— Больно. Разойтись! — рыкает Плотницкий. Командиры восстания идут в подвал, инспектировать небогатый арсенал батальона. В метре от меня проходят два человека из будущего учебника истории.

В казарме круглосуточно работает телевизор. Смотрят по нему исключительно телеканал «Россия 24». Российские телевизионные новости про Украину в целом и про Луганск в частности — основной источник информации о событиях, происходящих здесь, то есть с нами и вокруг нас, — такой вот парадокс. Местные безоговорочно верят каждому слову, произнесённому с экрана. То, что сказало телевидение РФ про украинский кризис, для ополченцев — истина в последней инстанции. Вера в Россию и в Путина — колоссальна. Любое действие или бездействие, любые слова и даже молчание — всё истолковывается как стремление Путина спасти Донбасс. Сомнение в Путине расценивается как предательство.

Один раз предлагаю переключить «ящик» на любой украинский телеканал — посмотреть, кто у них там лидирует на выборах.

— Да на кой тебе оно надо! Там всё пиздят. Не смотри туда, — отзывается с нижних нар крошечный, размером с шестиклассника, Виталик. Когда же, комментируя новостной сюжет, я высказываю мнение, что Россия должна оказывать помощь активнее, а Путин, обещавший защитить русских, с защитой почему-то не торопится, в казарме устанавливается полная тишина. Ко мне подходит Виктор.

— Миша! Ты откуда? Ты что такое говоришь? Ну ты даёшь!

Я отмалчиваюсь. И не только потому, что испугался, но и потому, что понимаю — отравлять сомнениями людей, которым скоро в бой, — подлость.

Независимость, за которую единодушно голосовали жители областей, понимается ими как пустая формальность — необходимая хитрость, прикрывающая РФ на международной арене. Голосовали они, конечно, за присоединение к России, за «возвращение домой». По истечении двух недель местные начинают осознать: «Крымского сценария не будет. Пока Путин Крым не вытянет, нам придётся ждать». Это мнение уже теснит первые надежды на быстрое вхождение в состав федерации, однако вера в то, что всё закончится присоединением, — фундаментальна и неколебима: «Россия нас не бросит. Мы и есть — Россия».

Скученность и общая посуда делают своё дело — я заблеваю. Возбудитель, легко переносимый коренными жителями (они лишь слегка подкашливают), вызывает у меня тяжёлую реакцию. Батальонный врач — аккуратный мужчина в легкомысленных «мушкетёрских» усиках — погружает в моё горло тампон, пропитанный люголем. На время становится легче.

Вирус провоцирует обострение моего аутоиммунного процесса, уже несколько лет находящегося в стадии ремиссии.

Казарма просыпается рано. По распорядку дня подъём в шесть тридцать утра, но уже в пять практически никто не спит. Я пробуждаюсь от того, что сквозь сон начинаю прислушиваться к улице. Звуки работающего двигателя выделяются подсознанием из прочих шумов: Вертолёт? Танки? Иногда далёкий гул первого рейсового автобуса, несущегося по пустому городу, принимается за гудение бронетехники. Оказывается, не я один такой.

— Всю ночь самолёты летали, — жалуется Павел Пограничник.

— Да, вроде заходил на посадку, часа в четыре... вроде как транспорт, — подтверждает Владимир Ильич. Недалеко Луганский аэропорт, который занимает украинская армия.

Впервые с противником сталкиваюсь на центральном городском рынке, куда приезжаю покупать военную форму. У железного контейнера, где мы с Гагосяном примеряем камуфляж, останавливаются двое. Обращаясь к хозяину торговой точки, один из подошедших говорит:

— Командир сказал, с каждого комплекта по сто пятьдесят теперь. Всосал, носатый?

Азербайджанец смеётся и что-то неразборчиво картавит в ответ. Мужчины как на подбор — среднего возраста, невысокие, крепкие, в одинаковых серых майках и шортах. Толстые золотые цепи и большие пакеты с едой в мускулистых руках делают их похожими на рэкетиров, собравшихся в баню. Они оценивающе нас рассматривают. Тот, что чуть ниже ростом, дерзко впивается в меня: «Олень смешной, ты-то куда?!» — говорит его презрительный взгляд. Отвожу глаза.

— Бандосы местные? — интересуюсь у продавца, когда мужчины уходят.

— Нэ! Эта афицэри с баталона «Данбасс адын». Здэс в арпарту стаят. Мэна дрочат, что вам, сэпарам, форма прадаю! — лыбятся предприимчивый перс.

По телевизору весь день крутят сюжет о гибели отряда ополченцев в районе Донецкого аэропорта. «Россия 24» в подробностях смакует последствия засады. Один за другим идут прямые включения: в шакалейке течке, корреспонденты ведут репортажи из морга и на фоне искорёженного остова грузовика. В кадрах — бесформенные кучи обугленных тел, куски человечины. Настроение подавленное. Ребята смотрят на экран неотрывно и молча.

— Это какой гений догадался во всей красе трупы показывать? Это они нам боевой дух поднимают? — наконец не выдерживает замком взвода Ефремов. — Переключите на хуй...

— Нет! Правильно делают. Правильно. Пусть каждый посмотрит — куда полез и что из этого может получиться. А то у многих тут детство в жопе играет. Вот так принесёт домой жена пакет фарша: «Дети, это ваш папа — попрощайтесь!» Смотрите и думайте. Каждый — пока не поздно, — зло говорит Луганский.

Содержание

Вы прочитали ознакомительный фрагмент книги Михаила Манченко «Посетитель». В полной версии книги 268 страниц.

Приобрести книгу можно на сайте издательства:

chernaya100.com

От редакции.....	4
Часть 1. Май 2014: Восстание.....	6
Часть 2. Август 2014: ДНР.....	48
Часть 3. Февраль 2015: Дебальцево	
Глава 1. Турист.....	91
Глава 2. В жерновах гражданской войны	107
Глава 3. Санжаровка.....	137
Глава 4. Стаханов.....	189
Глава 5. Высота 305,7.....	218
Послесловие.....	254

Михаил Манченко
Посетитель

Издательство выражает благодарность талантливому фотографу Дэну Леви (vk.com/danlevy) за предоставленную фотографию для оформления обложки книги. Снимок сделан 8 апреля 2015 года под Донецком, на фото — боец с позывным Боцман, участник обороны Славянска.

За информационную поддержку на этапе предпродаж выражаем свою признательность Интернет-журналу «Спутник и Погром» (sputnikipogrom.com) и ресурсу в социальной сети «ВКонтакте» «Сводки от ополчения Новороссии» (vk.com/strelkov_info).

Отдельно благодарим всех, кто приобрёл нашу книгу по предзаказу, — без вас эта книга не увидела бы свет.

Дизайн переплёта К. О. Круглов
Послесловие А. Г. Жучковский
Корректурa М. С. Тейкин
Технический редактор, вёрстка Т. Р. Венков
Главный редактор Д. Н. Бастраков

Контакты автора:
posetitel.manchenko@yandex.ru

Контакты издательства:
izdatelstvo@chernaya100.com

Сайт и магазин:
chernaya100.com

Telegram-канал:
t.me/chernaya100

Сообщество ВКонтакте:
vk.com/chernaya100